

КРЕСТ ИЗ НОВОДЕВИЧЬЕГО МОНАСТЫРЯ: АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ И ТИПОЛОГИЯ ЭНКОЛПИОНОВ XVI–XVII ВВ.

© 2020 г. Л.А. Беляев

Институт археологии РАН, Москва, Россия

E-mail: labeliaev@bk.ru

Поступила в редакцию 07.04.2020 г.

Обнаруженный в 2017 г. экземпляр полного креста-энколпиона анализировался физико-химическими методами. В результате возникли сомнения в его дате, которую потребовалось проверить с помощью традиционных источников. Детальный разбор обстоятельств находки и сопоставление с иконографическим и типологическим фоном позволили подтвердить дату в пределах второй половины XVI — конца XVII в. Попутно поставлен ряд вопросов для дальнейшей разработки иконографии русских крестов. Для XV–XVII вв. выделен особый вариант креста с удлиненным стволом и расширениями на нем, используемыми для размещения дополнительных надписей и сюжетов.

Ключевые слова: энколпион, иконография, археология Нового времени, Московское царство, декоративное искусство.

DOI: 10.31857/S086960630012631-3

Триггером для исследования стал частный случай: в Новодевичьем монастыре (Москва) был найден закрытый энколпион, предварительно датированный XVI в. (шурф 2/2017 г., находка № 12). Особое внимание к нему определяет уже редкость таких крестов в легальных раскопках и важность для ранней истории монастыря, не слишком богатого вещами первых 150 лет существования.

Крест изучили методами естественных наук в рамках проекта, посвященного энколпионам Владимиро-Суздальской Руси X–XIII вв. для получения сравнительного материала (см. статью Э. Грешникова в этом номере; о проекте: Макаров и др., 2020. С. 25–45). Но исследование приобрело самостоятельное значение, поскольку первые результаты физикохимического анализа разительно противоречили хроностратиграфии и атрибуции “музейными” методами. Пришлось детально разобрать контекст находки, определив *terminus ante quem* ее выпадения, а также типологию (включая иконографию) креста.

Размер креста без оглавия, в закрытом виде: 70×50,5×9 мм. Концы поперечной балки прямые, шириной 19 мм; на верхнем и нижнем концах ствола имеются крупные прямоугольные расширения. В верхней части лицевой створки имеется петля овальной формы (размер 6×8 мм), расположенная перпендикулярно

лицевой плоскости створки; на оборотной створке таких петель две. В нижних частях створок фиксируются две выступающие площадки размерами 8×3 мм, находящиеся в плоскости створок.¹

Обе створки украшены выпуклым декором. Створки изготовлены литьем в пластичных формах. Помещенные на створках фигуры выполнены в высоком рельефе, утопленный фон имеет бугристую неровную поверхность. В верхней части оборотной створки металл имеет полосчатую структуру, возможно, являющуюся маркером использования деревянной модели (отпечаток годичных колец?). Вероятно, первоначальные модели для отливки створок энколпиона были вырезаны из дерева, после чего создавались их отпечатки в модельной смеси. Наблюдается некоторая аморфность фигур на лицевой створке, возможно, это свидетельство отливки не прямо с модели, а по оттиску готового изделия. Оглавие в форме 14-гранной бусины (21×16×12 мм) с выступающими по бокам каналами для гайтана; в нижней части — две петли для крепления; предмет отлит в пластичной форме по резной восковой модели. В верхней части створки и оглавие соединены при помощи свернутого в трубочку кусочка листового металла. Внизу

¹ Технологическую часть описания выполнила И.А. Зайцева. Приношу ей глубокую благодарность за помощь.

Рис. 1. План монастыря с основными участками археологических исследований 2017–2019 гг.: красный цвет — шурф № 2 (2017 г.); синий — зоны вскрытий.

Fig. 1. The convent plan view with the main areas of archaeological research in 2017–2019: red — test pit № 2 (2017); blue — uncovered areas

сделана фронтальная заклепка из металлической трубки через выступающие площадки.

Находки энколпионов в датированных комплексах единичны, поэтому следует установить дату путем анализа обстоятельств находки, а затем обратиться к типологии и иконографии.

Археологический контекст

Отдел археологии Московской Руси ИА РАН ведет работы в Новодевичьем монастыре около 10 лет, что позволяет изучать находку в рамках системного представления о культурном слое (базовые результаты раскопок и история монастыря см.: Беляев и др., 2018. С. 588–606; Беляев и др., 2019а. С. 192–207; 2019б, далее при описаниях ситуаций ссылок на эти статьи не даю) (рис. 1–7).

Слой делится на три исторических горизонта. Первый — комплексы, возникшие от создания

в начале 1520-х годов до конца Смутного времени (его маркируют следы пожара 1611 г.), и далее, до 1680-х годов. Второй уровень образуют памятники, созданные в правление царевны Софьи, при жизни в монастыре женщин из рода Милославских и Евдокии Лопухиной (первой жены Петра I). В это время (или ранее, но в XVII в.) монастырь расширили и кардинально перестроили: возникли новые стены, башни и святые врата; резко возросло число каменных зданий (храмовых, жилых, хозяйственных). Заглубленные объекты второго уровня прорезают остатки прежних сооружений. Третий слой связан с переменами в монастыре XVIII — начала XX в., в основе которых, как и в других обителях Москвы, активное развитие некрополя: сотни новых погребальных сооружений и связанных с новейшим временем инсталляций (подземных сетей и т.п., с их обилием бетонных растворов и

Рис. 2. Общий вид участка шурфа 2/2017. Вид с юго-запада.

Fig. 2. General view of test pit area 2/2017. Southwest view

арматуры) занимают теперь чуть ли не главное место. В советский период верхний уровень постоянно нарушали: сносили исторический некрополь, строили и разбирали временные здания, восстанавливали сооружения и вертикальную планировку XVI–XVIII вв.

К какому из этих уровней принадлежит энколпион? Шурф, где он найден, — крошечный эпизод в общих работах. Он лежит к юго-востоку от собора Смоленского Образа Богородицы (XVI в.), вдоль фасада Больничных палат, юго-западнее их южного крыльца, между зданием и дорожкой к стрелецкой караульне при Чеботарной башне; ориентирован с отклонением от северной оси на 28° к востоку; площадь 8 м^2 (два квадрата, нумерация с севера); участком руководил С.Г. Шуляев; массовый материал анализировала О.Н. Глазунова.

Конечно, не было известно, что потребуется прецизионная аналитика именно этой точки, и работы шли в штатном режиме: грунт перебирали по пластам, с тщательной зачисткой после каждого; ямы выбирали отдельно, малыми инструментами; применяли металлодетектор. Все это позволяет провести серьезный контекст-анализ.

Глубина от дневной поверхности, относительно горизонтальной (отметки $-17/ -25 \text{ см}$) до сохранного материка — около $111\text{--}120 \text{ см}$ (пять пластов). В пласте 5 выявились пятна ям, в том числе яма 1 — целиком и яма 2 — в существенной части; от остальных только

края. Обе ямы прямоугольны, вытянуты в одном направлении и соприкасаются: яма 1 моложе ямы 2 (перерезает ее край), в уровне материка между ними остается узкая материковая бровка. Дно ям плоское, на близких отметках ($-216 / -225 \text{ см}$ у ямы 1 и $-222 / -229 \text{ см}$ у ямы 2). Вдоль западного края шурфа отмечен двухрядный частокол, один из колышков которого прокалывал край ямы 1. Линия частокولا довольно близка, но все же не параллельна осям ям.

Слои в шурфе 2/2017 не показывают следов некрополя или поздней инженерии, в целом в монастыре чрезвычайно частых. Три верхних пласта перемешанные, имеют гомогенную структуру, накрыты современным дерном и дают бытовой материал XX (фабричное стекло, бытовая посуда) и XVIII–XIX вв. (помадная банка, расписные плоские изразцы, фарфор). В тех же пластах попадаются осколки керамики XVII и XVI вв.: белоглиняной грубой (кувшины); красноглиняной гладкой (горшки) московских форм; чернолощеной. Но преобладает белоглиняная гладкая (от трети до четверти фрагментов), лишь постепенно уступающая поздней чернолощеной.

Смена самых поздних форм более ранними заметна с пласта 3, где темно-серая, с коричневыми пятнами супесь верхних слоев содержит уже лишь мелкие включения угля, известкового раствора, крошки и щебня кирпича и белого камня, пропитавших весь слой. Здесь

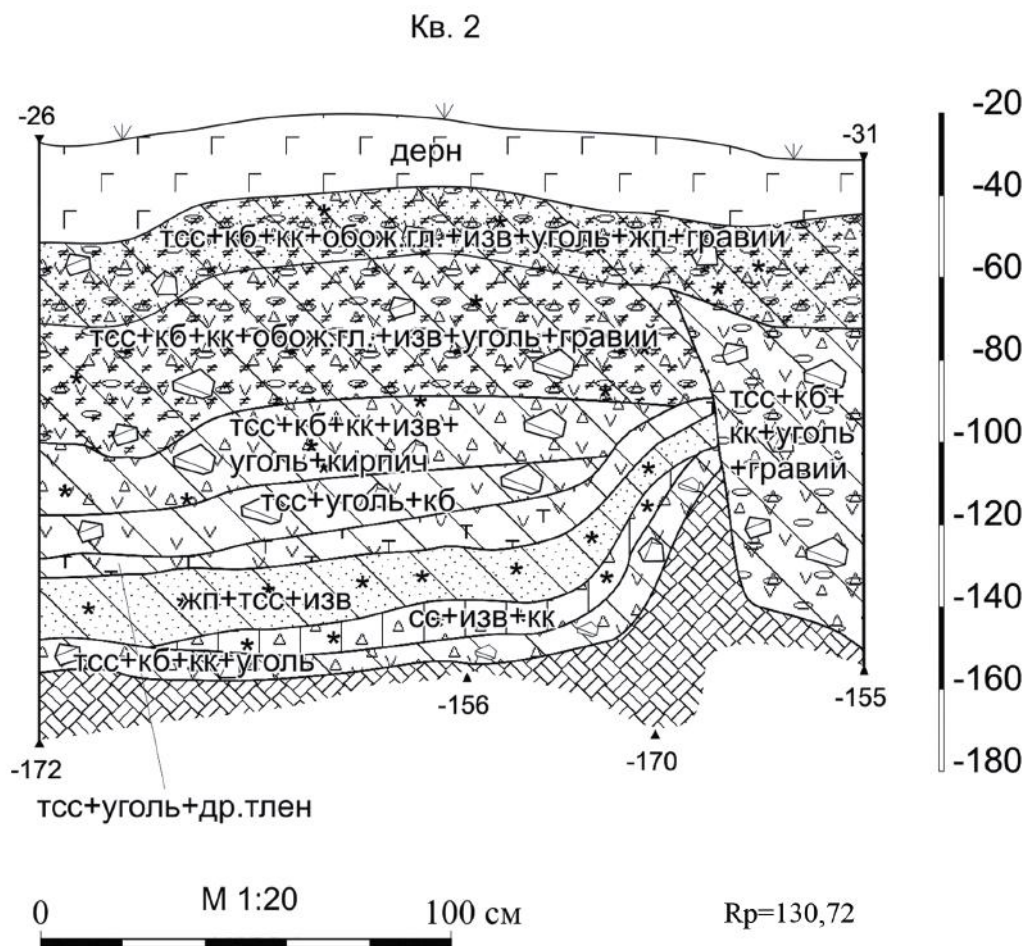
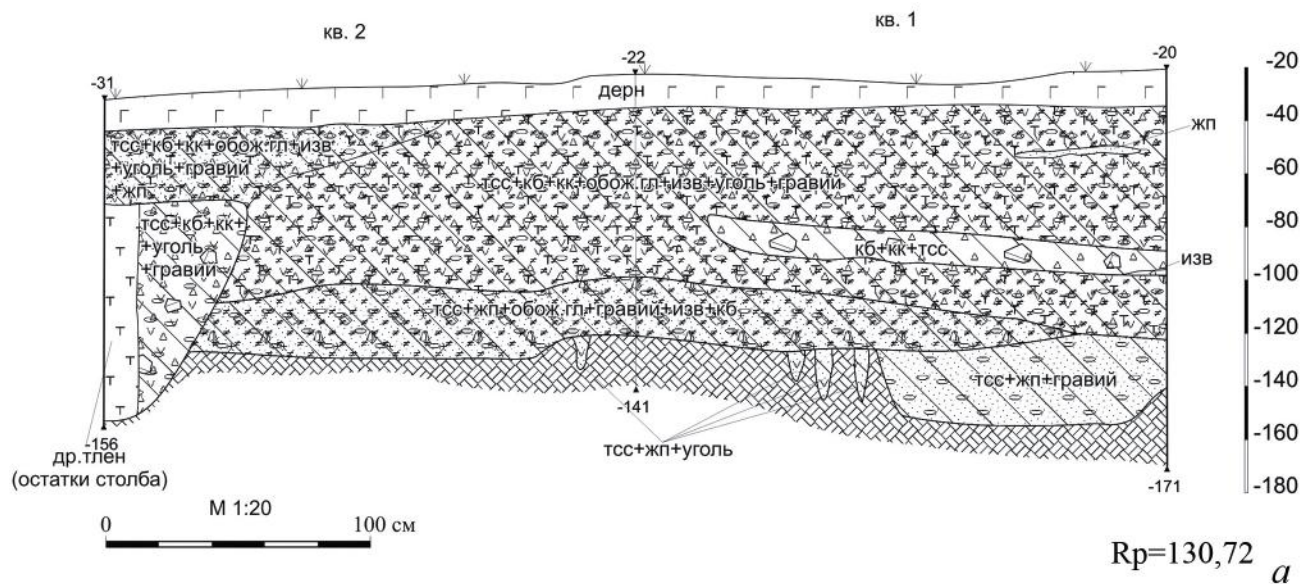

Рис. 3. Профили шурфа 2/2017: *a* – западный, *б* – южный.

Fig. 3. Profile views of test pit 2/2017: *a* – western, *б* – southern

а

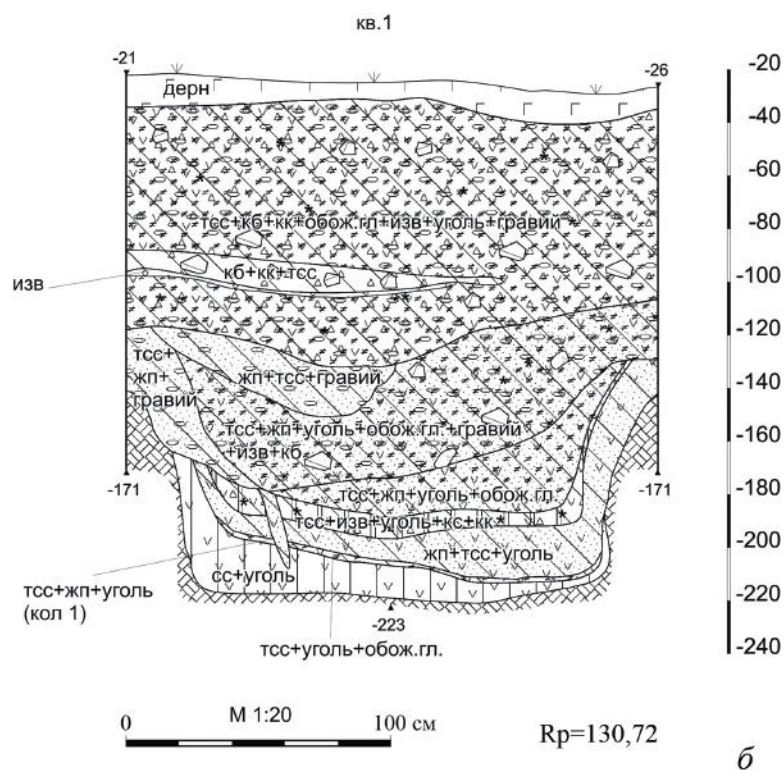

Рис. 4. Северный профиль шурфа 2/2017 с ямой 2: а – фотография; б – чертеж.
Fig. 4. Northern profile view of test pit 2/2017 with a hole 2: а – photo; б – drawing

нет фабричного стекла, но бытовое XVII — XVIII вв. встречается вплоть до пласта 5 (фактически до уровня материка вне ям). Эти слои отложились во время и после строительства Больничных палат и отражают их жизнь в XVIII—XIX вв.; разрывов они не имеют.

Поверхность нарушенного материка (древний дерн не сохранился) проявилась при зачистке пласта 5. На ней ясно читались края ям, закрытых не позднее начала строительства Больничных палат и с дальнейшей жизнью не связанных; следов проникновения в ямы из пластов 1–4 не наблюдалось.

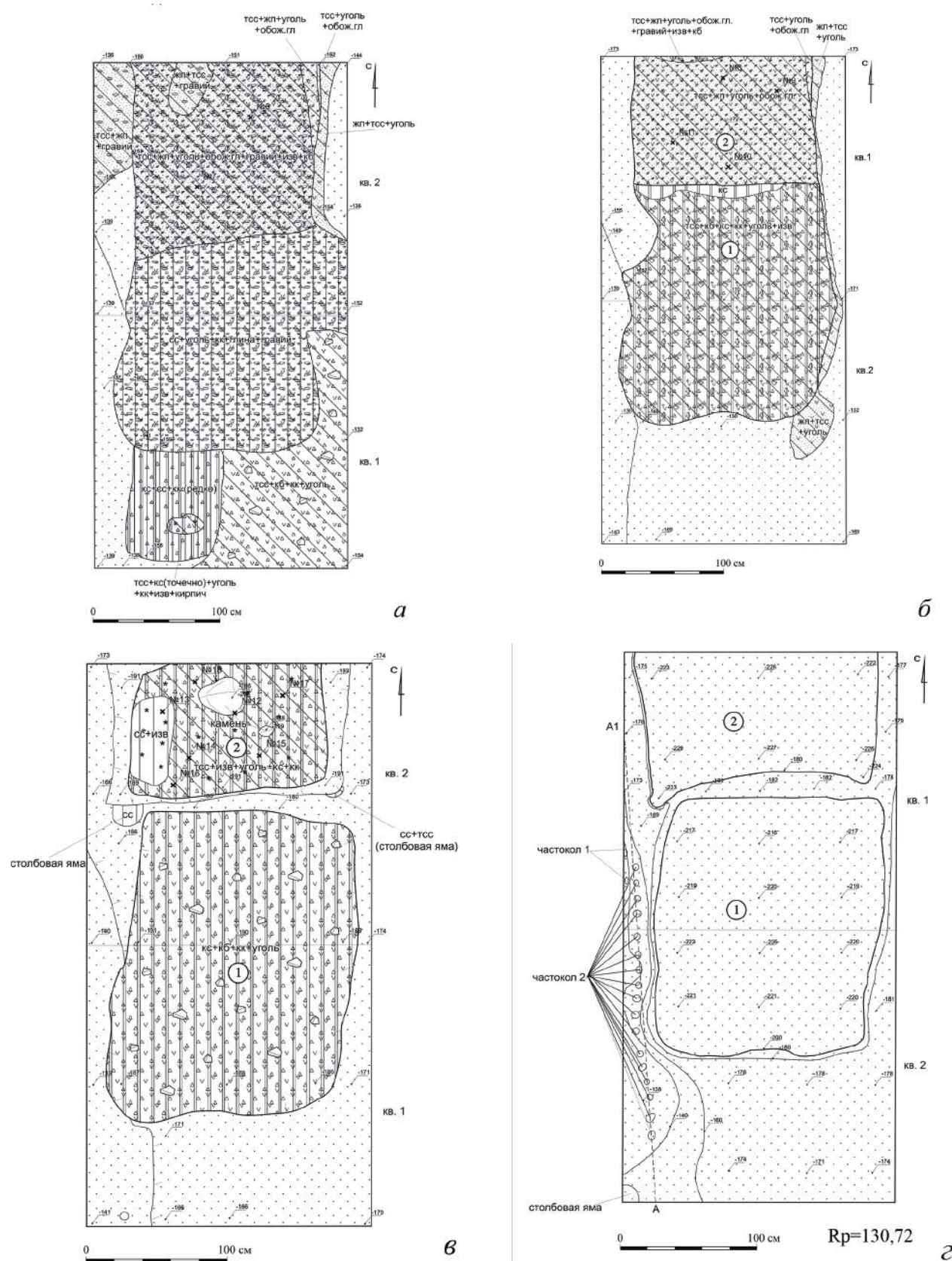
В шурфе 2/2017 много находок: учтено 2516 фрагментов керамики, десятки крупных кусков кирпича и плиток пола, 26 печных изразцов. В основном они связаны с нижними пластами. Индивидуальных находок 18, почти половина (8, в их числе все значимые) — из ямы 2. В пласте 4 — железный черешковый нож с остатком деревянной рукояти и ножка керамической игрушки; из пласта 5 — полный профиль кувшина с полосами черного лощения и 2 железные обувные подковки (всего в шурфе их 6).

Рассмотрим подробнее материал пласта 5 (–110/–130 см), куда попал и верх засыпки ям. Пласт запечатал их и близок к моменту закрытия, но в верхней части сосредоточены фрагменты, к ямам, видимо, не относившиеся: изразец муравленный печной (валик), румпы (2); слюда (3); стекло XVIII в. (?) — оконное ручной работы и бутылочное ранних форм (по 3); фаянсовой чашечки с кобальтовой росписью (XVIII в.). Пласт вообще богат материалом: 695 крупных, подбирающихся кусков керамики, в том числе редких форм. Фон образует посуда чернолощенная (35.8% из белой глины — 6 кувшинов, фляги, кубышки, миски; стенка сосуда с буквенным граффито) и белоглиняная гладкая (20.3% — горшки XVII и XVIII вв.; крупная крышка). Меньше белоглиняной шероховатой (15.1% — горшки и кувшин), поливной по белой, красной и ангобированной глине (17.3% — горшки, в том числе с ручкой; кувшин; кружки; миски; трехногая сковородка; ковш с фигурной ручкой; сосудик сложной формы); орнаменты: штамп-гребенка и линейный. Фрагменты конца XVI — конца XVII в. редки (горшок красноглиняный грубый ранний; красноглиняный гладкий; белоглиняная грубая (кувшин; горшки, крышки); толстостенные сосуды розовоглиняный ангобированный, расписной белоглиняный;

корчаги и др.); черепки XVI в. единичны. В целом массовый материал укладывается в период конца XVII — первой трети XVIII в.

Пласт 6 (–130/–150) разбирался как единый, поскольку пятно ям 1 и 2 было воспринято как одно углубленное сооружение. Находок меньше, чем в пласте 5, и они немного раньше. Керамики — 118 фрагментов. Чернолощенной (28.8%, кувшины) и белоглиняной гладкой (27.1%, горшки XVII в.) поровну; также почти поровну белоглиняной грубой (11.9%) и шероховатой (10.2%); поливной по белой и красной глине (8.5%, миска и горшок с ручкой) и красноглиняной (7.6%). Встречена красноглиняная гладкая (горшочек), краснолощенная (кувшин) и корчага (белоглиняная). Два фрагмента изразца — широкорамочный “красный” с клеймами “грифон” или “симаргл” и муравленный (птица с виноградом). Оконное стекло ручной работы.

С пласта 7 ямы выбраны отдельно. Яма 1 несколько позже ямы 2. Ее материал уточняет *terminus ante quem* для ямы 2. В нижней части яма 1 условно прямоугольна и немного вытянута с севера на юг (2.0–1.8 м). Заполнена коричневым суглинком и супесью с крошкой кирпича, извести, угля. В них на уровне пласта 6 (–150/–170) керамики мало (восемь чернолощенных фрагментов кувшина, четыре белоглиняных гладких, один белоглиняной шероховатой). Ниже собрано еще 87 фрагментов. Практически половина (49.4%) — белоглиняная грубая, в том числе части крупного кувшина и не типичного для Москвы горшка с подтреугольным венчиком и пологой волной по плечу. Намного меньше (17.2%) белоглиняной гладкой (от двух горшков), краснолощенной поздней (14.9% — от горшка со сливом, возможно, творожника), по 8% чернолощенной и красноглиняной гладкой (горшок позднего типа); два поливных фрагмента (красноглиняный с ангобом и белоглиняный). Кусочек изразца рельефного полихромного (последняя треть XVII в.) и румпы. В уровне пласта 6 — часть лезвия железного ножа (№ 6) и обувная подковка (№ 7). В яме отмечено скопление кирпичей (часто с остатками раствора) и квадратных плиток пола, красноглиняных без ковчега. Основная масса кирпича (56 экз.) — маломер (толщина 38–63 мм, чаще 39–46 и 54–60 мм). Ширина часто около 110 мм (22 экз.), но разброс остальных очень велик. Крупноформатных кирпичей всего шесть (толщина от 72

до 100 мм, у двух — 90 мм). Оба типоразмера обычны для строительства монастыря в XVI–XVII вв.

Яма 2 разбиралась с глубины -150 (пласт 7), она немного старше ямы 1, но материал мало отличается. Заполнена темно-серой супесью с пятнами бурой и желтого песка; до -170 см в ней много коричневых вкраплений, угольков, битого кирпича, извести. Керамики — 73 фрагмента, в основном белоглиняная грубая (кувшины; два не типичных для Москвы горшка с тычковым орнаментом и пологой волной по плечу; чернолощенная (кувшин)); белоглиняная гладкая XVII в. (горшки, в том числе с расчесом по венчику). Единичны — красноглиняная гладкая ранняя и ангобированная, изразец красный широкорамочный, румпа. Комплекс можно датировать от рубежа XVI–XVII вв. до середины XVII в.

Значимые индивидуальные находки

Значимые индивидуальные находки есть только в яме 2 (рис. 8). Изучаемый энколпион с обрывком цепочки (№ 12); был целиком покрыт окислами, обнаружен на краю ямы, на 35–45 см выше ее дна (отметка -175, условный пласт 8). Практически со дна ямы (отметка -213) взят стержень с ушком для подвешивания (№ 18) — копоушка, иной предмет гигиены или инструмент. Несколько выше (-187 и -188, № 15 и 16) найдены две железные иглы.

В том же уровне встречен счетный жетон нюрнбергского мастера Ганса Краувинкля II (1586 (?)–1635 гг.), использованный как подвеска, для чего пробита дырочка и продето колечко, за которое зацеплено еще одно (№ 14; отметка -188, пласт 8). Ганс — самый плодовитый в Нюрнберге чеканщик жетонов: насчитывают более девяноста его разновидностей с датами 1588, 1589, 1601, 1605, 1610, 1611 и др. (Koenig, Stalzer, 1989). Они распространялись по всей Европе его имя, название города (обычно: HANS KRAUWINCKEL IN NVR.), подтверждение достоинства или какую-нибудь сентенцию. Но их обилие запутывает дело, и ряд авторов предпочитает воспринимать продукцию семейства Краувинкель как мало расчлененную массу, соединяя в одну работы Дамиана, Эгидия и Ганса 1570–1610 гг. (Rudowski, 2014: <http://www.rechenschieber.org/Rechenpfennige.pdf>). В нашем случае сторона с державой в трехчастном картуше из полукруглых и заостренных выступов несет надпись RECHTIGEN PFENING NVRENBURG, а оборот — стандартную подпись Ганса Краувинкеля

с повторным указанием на Нюрнберг. Видимо, это один из ранних выпусков: треугольные выступы картуша фланкируют мелкие “квадратики”, которые позже превратятся в точки и, наконец, совсем исчезнут.

Таким образом, индивидуальные находки ямы № 2/2017 не выходят за середину XVII в., хотя утрачены могли быть и позднее.

Впишем полученные данные в картину топографии и археологии монастыря. Поскольку заглубленные в материк объекты шурфа 2/2017 старше здания Больничных палат, их даты взаимозависимы. Хотя время постройки палат точно неизвестно, но по элементам конструкции их относят к 1682–1690 гг., эпохе царевны Софьи, и не позднее царствования Петра I. Сводчатое одноэтажное здание типично для жилой застройки монастыря и, начиная с 1722 г., указано на всех планах. При этом юго-восточную зону следует считать статусной. “Грязная” банно-прачечная, с колодцами, отстойниками и большими погребам, помещалась на юго-западе. Центр занимал некрополь, окружавший два главных храма. Он активно развивался на запад и достиг в XIX в. юго-западных прясел стены. С востока же некрополь плотно прижат к апсидам собора XVI в., а еще восточнее начиналась жилая зона и монастырский сад. На месте Больничных палат и ранее стояли жилые здания и совмещенные с ними помещения для работы; в XIX в. рядом построят большой дом для иконописной и златошвейной мастерской; деревянные здания (близкого назначения?) видны на ранних планах (раскопки показали у них кирпичные и изразцовые печи XVII в.). В этой благоустроенной жилой зоне, вдоль восточного и южного фасадов собора, на рубеже XVI–XVII вв. стояли кельи знатных пострижениц или, скорее, их дворы.

Шурф оказался внутри юго-восточного угла ранней ограды первоначального монастыря (при основании ему отвели значительно меньше земли). Понятно, что открытые в нем ямы и частокол не вписаны в план монастыря 1680-х годов, хотя их ориентация близка осями монументальной застройки. Но стены конца XVII в. почти параллельны южной и восточной линиям ограды XVI в., открытым в 2017 г. На них ориентируются и ранние, и поздние сооружения. Хозяйственных ям и частокола у Больничных палат в XVIII–XIX вв. не существовало. Частокол можно связать с самым ранним этапом освоения, по крайней

Рис. 6. Зачистки пласта 8 с пятнами колышков на материке.

Fig. 6. Layer 8 clearing with spots left by pegs in virgin soil

мере заполнение ямок от кольев не содержало следов каменного строительства (всего отмечено 18 конических ямок с закругленным дном, диаметром от 0.05 до 0.08 м, от кольев, вбитых в материк на 0.45 – 0.55 м, с регулярным шагом 0.15 м по осям – выше колья, видимо, смыкались друг с другом). Возможно, частокол выделял какую-то площадку внутри ограды XVI в. или относился к “домонастырскому” этапу.

Что касается прямоугольных хозяйственных ям, то время их появления относится к XVI или началу XVII в., к времени строительства статусных дворов, до Смуты занимавших восточную и южную линию между Смоленским собором и

оградой; часть этих келий-усадеб открыта северо-восточнее собора (южнее Филатьевского корпуса); другие – вблизи юго-западного угла собора и вдоль его южного фасада (работы 2020 г.).

Итак, энколпион выпал в слой ямы 2/2017 не позднее 1680–1720-х годов. Когда же он был отлит? На этот вопрос обычно отвечают, опираясь на аналоги.

Типология и иконография

Створчатые кресты-мошевики – носители комплексной информации, включающей такие темы, как иконография, особенности технологии, почитание реликвий, просопография

Рис. 7. Ямки от колышков в разрезе.

Fig. 7. Cross-sections of holes left by pegs

владельцев. Их тиражность позволяет выделять зоны производства и наблюдать за географическим распределением, оценивать популярность форм, композиций, сюжетов. Это особое культурно-историческое явление, рожденное в Средние века и сопровождающее христианские (особенно восточно-христианские) народы в их духовном развитии.

Но изучены энколпионы неравномерно. Лучшее известны кресты Византии и Древней Руси конца I — начала II тыс. н.э. до XIII–XIV вв. Музейные каталоги останавливаются на XIII в. (Корзухина, Пескова, 2003), поднимаясь выше для полноты охвата коллекции и выделения поздних отливок (Асташова, Петрова, Сарачева, 2013). Но ведь после нашествия монголов энколпион не ушел из церковной традиции Руси, он сохранился до Нового времени, демонстрируя очевидные перемены в формах и в иконографии. Все это привлекало внимание, но крайне фрагментарно. Нет работ, специально разбирающих основания для датировки образцов XVI–XVIII вв., их хронология до сих пор продолжает антикварную традицию XIX–XX вв. с ее “знаточеским” подходом. Правда, в последние 20 лет появились серии статей,

где музейным собраниям *поздних* энколпионов уделено особое внимание (Барышев, 2001; Игошев, 2005; Родникова, 2005; Скоморовская, 2005; Стерлигова, 2005; Сухова, 2005; Шполянская, 2005). Внимание к ним привлекают и находки, пусть редкие, при раскопках храмов, монастырских участков, кладбищ, даже городских слоев.

Проделаем простую типологическую работу, определив общий тип и дополнительные элементы креста из Новодевичьего монастыря, организацию плоскостей (она тесно связана с иконографией, поскольку отвечает за разграничение сюжетов), частично — иконографию.

Уже при первом взгляде ясно, что абрис креста отличен от домонгольского. До XIII в. оформление подвесных крестов тяготело к единому решению всех четырех ветвей, а вытянутость ствола не подчеркивалась и не бросается в глаза; среди плоских крестов много и просто равноконечных. Наш же образец не просто вытянут — его ствол акцентирован ярко выраженными дополнительными элементами, опорой и венчанием. Из таблиц М.В. Седовой для Новгорода и Д.А. Беленькой для Москвы (Седова, 1981. Рис. 19, 4-5; Беленькая, 1993.

Рис. 8. Индивидуальные находки XVI и XVII вв. из шурфа 2/2017: *а* — крест-энколпион после реставрации (№ 12), *б, в* — счетный жетон, лицевая и оборотная стороны (№ 14), *г* — подвесной стержневидный предмет (№ 18).

Fig. 8. Individual finds of the 16th and 17th centuries from test pit 2/2017: *a* — reliquary cross after restoration (№ 12); *б, в* — counting token, front and reverse sides (№ 14); *г* — pendant rod-shaped object (№ 18)

Рис. 1, 2 и 4) следует, что признаком эволюции формы креста в послемонгольский период стало развитие нижнего и верхнего концов ствола. В подвесных крестах нижняя часть удлиняется; все чаще выделяют утяжеленную, килевидно суженную Голгофу и верхнее перекрестье, апеллирующее к Пилатовой таблице. Прообраз формы, конечно, семиконечный крест.

Но крест из Новодевичьего монастыря имеет столь мощные добавки, что представляет вполне оригинальный вариант: два почти прямоугольных поля обеспечивают монументальность, отсылающую, возможно, к памятным сооружениям, с их явными признаками воздействия ставротек (Алексеев, Кузьменко, 2020. Рис. 16, 38, 39 и др.). Важно, что эти признаки проявляются тогда же, когда делаются зримыми собственные формы московского материального мира, на рубеже XIV и XV вв.

Тогда же на христианском Западе общий тренд в развитии крестов приводит к распространению вычурных вариантов.

Перейдем к организации плоскостей. Центральная часть лицевой створки крестообразна и практически равноконечна: в нее вписано распятие с предстоящими: под рукавами креста помещены поясные изображения Богоматери и апостола Иоанна Богослова. Над Христом (вариант в повязке) два ангела держат табличку с монограммой IC XC. Внизу — Голгофа с намеченной Адамовой главой. Для выделения сюжетов и дополнительных расширений использованы довольно высокие перегородки, образующие также внешний бортик креста. На боковых ветвях в таких клеймах даны поясные образы святителей Василия Великого и Григория Богослова с сокращенными надписями над ними (ВАСИ[лий], ГРИГО[рий]).

Модель, когда для распятия выделяют крестообразное центральное поле, распространена широко, в том числе и хронологически (отдаленные аналоги: Корзухина, Пескова, 2003. С. 216, 217, табл. 143–145, XIII в.; Асташова, Петрова, Сарачева, 2013, № 278–281, XIV–XVI вв.). Здесь можно видеть апелляцию к форме ставротекы, поскольку абрис креста удвоен: обрамление с расширенным основанием и завершением вторит распятию в центральном поле.

Верхнее и нижнее добавочные поля заметно шире балки и зрительно дублируют Пилатову таблицу и Голгофу. Но и то и другое уже включено в изображение распятия, и в данном случае не соотносится с ним напрямую, как в небольших предметах (ср.: Беленькая, 1993. Рис. 1, 9 и 13). Назначение расширенных полей здесь иное. В верхнем собраны вместе, в три строки, надписи, традиционные для распятия, но оторванные от своих элементов: Ц(а)РЬ СЛАВЫ / І(ису)С Х(ристо)С НИКА / Место (Лобное Рай Бысть) Г(лава) А(адамова). Нижнее поле занято дополнительным клеймом, в которое помещен образ великомученика Никиты, побивающего беса (с однострочной подписью).

Композицию венчает рельефное изображение лика Спасителя (что типично для крестов многих видов в московский период и ранее), помещенное на лицевой стороне оглавия (с обратной стороны оглавие гладкое).

Оборотная створка устроена по близкому принципу: на стволе вертикальные бортики, упираясь в рамки нижнего и верхнего полей, обрамляют ростовой образ первомученика Стефана (он встречается в мелкой пластике достаточно часто). В клеймах на концах ветвей даны поясные изображения Николы Чудотворца и мученика Мины. Верхнее поле заняла трехстрочная подпись: Стефан / НК-КОЛА / МИНА / (и крестик). Нижнее поле разделено по оси перегородкой на два небольших равных клейма, где представлены преподобные Сергей и Никон Радонежские (над каждым была строка подписи, но сохранилась только вторая: НИКОН).

Прием продолжения бортиков вертикального ствола поперек боковых ветвей для образования свободного поля для образа чуть ли не уникален. В других версиях энколпионов он мне неизвестен (похожие кресты Западной Руси, из Галича, относят к XIII в.). Но само деление перегородками-рамками для отдельных

сюжетов распространено в XV–XVI вв., в том числе среди крестов с расширениями. Особенно там, где фиксируют связь с мастерской Амвросия и его учеников в Троице-Сергиевой лавре (примеры: Родникова, 2005, № 3–6; Николаева, 1968. Рис. 65, 66; Завьялов, Козлова, Просукова, 2020. Рис. 1–3). Разбирать этот сюжет здесь не место, но происхождение от резных по кости или дереву икон может объяснить раздробление поверхности крестов в XV–XVI вв. и, в некоторых случаях, усложнение иконографических программ.

Нужно учесть, что в древнерусских сериях крест не делили на клейма еще и потому, что вложения, видимо, далеко не всегда отвечали образной системе, которая несла молитвенно-мнемонические функции и обеспечивала кресту защитные функции. Однако в XV–XVI вв. организация плоскости меняется, а позднее энколпион начинают в соответствии с ней делить и внутри на секции для отдельных реликвий, обозначая снаружи еще и надписью, — об этом говорят раскрытые образцы, такие как крест XVIII в. из старого собора Данилова монастыря (Беляев, 2012. С. 20–22, рис. 20–22). Состав реликвий, сложный и продуманный, обычно перечисляли и при описаниях XVI–XVII вв. (например, в документах Троице-Сергиевой лавры).

В кресте из Новодевичьего монастыря нужно отметить и своеобразие приема, примененного для размещения надписей. Не все тексты привязаны к своим клеймам — в двух случаях они оторваны и собраны на венчающем расширении. Для имен святых такой способ можно встретить и на других крестах, так вынесены, например, имена трех святых на задних створках крестов из кости с Колымажного переулка в Москве (Беляев, Векслер, 1996. Рис. 10) и Рязани (Барышев, 2001. Рис. 1, 3). Интересно, что в составе этих святых, видимо, присутствует и св. Никон (не обязательно это Никон Радонежский, но и появление его возможного соименника показательно).

Но на лицевой стороне нашего креста вместе собраны все аббревиатуры, сопровождающие распятие. А вот это — прием уникальный, во всяком случае редкий (близкое решение — на чрезвычайно сложном деревянном кресте из музея Рязани, см.: Завьялов, Козлова, Просукова, 2020. Рис. 1, 2). Эти аналоги ведут нас в XVI в., а учитывая тиражность металлических крестов, т.е. их известную вторичность, допускают и XVII в.

Нижние расширения заполняют иконные изображения: св. Никита Бесогон на лицевой стороне и парный образ свв. Сергия и Никона Радонежских на обороте. Это сужает хронологический коридор. Св. Сергий изображался, как считают, чуть не при жизни — но образ св. Никона мог появиться на кресте не ранее ухода из жизни, вероятно, не ранее прославления во святых. Правда, с середины XV в. его почитали в Троице-Сергиевой лавре, а в середине XVI в. официально канонизировали на Стоглавом соборе (подробный очерк см.: Я.Э.З. ([Зеленина], 2018. С. 719–725), и постепенно складывалась и его иконография. Считается, что именно св. Никон следует за св. Сергием в сценах житийных клейм конца XV в. и представлен на фрагменте иконостаса (см.: Обитель прп. Сергия, 2014. С. 104. Кат. 75). Однако ни идентификация, ни дата строго не доказаны. Зато ясно, что шитые покровы для раки с изображением святого Никона появятся только через столетие, уже после канонизации (вклад царя Феодора и царицы Ирины Годуновой 1586 г.; затем покровы 1590–1610-х годов и более поздние), а иконные образы (работы Симона Ушакова 1673 и 1675 гг.) совсем поздно.

Что касается парных образов святых, то они пока не восходят ранее 1592 г. (еще один покров, вложенный царственной четой), а их парные писанные иконы не старше эпохи царя Алексея Михайловича. На резных крестах, иконография которых связана с резьбой Троице-Сергиева монастыря, двоицу святых встречаем, видимо, раньше, но образы поставлены не рядом, а один под другим. Т.В. Николаева полагала, что они не ранее середины — второй половины XVI в. (1960), причем даже это трудно доказывать (см.: Барышев, 2001. С. 307–310; Завьялов, Козлова, Просукова, 2020. В печати). Даты же XV в., предложенные для костяных крестов Рязани (Завьялов, 2017. С. 162–167), представляются мне слишком ранними. Не думаю, что на таком фоне появление парного образа свв. Сергия и Никона в литье стоит ожидать ранее 1570–1590-х годов.

В иконографической программе креста нет других обособляющих его деталей, она хорошо вписывается в общий ход развития русского подвесного креста всех видов, функций, иконографических комбинаций.

Мало добавляет к хронологии и образ популярного на Руси, в том числе в XIV–XVI вв., апокрифического святого Никиты Бесогона

(Саенкова, М.А.М. [Маханько], 2018. С. 531–535). Встречаются изображения Бесогона и на крестах с расширениями (Барышев, 2001. Рис. 3). Этот защитник от зла прижился в области народной религии, как полагали (Т.В. Николаева, Г.К. Вагнер) не только благодаря способности к экзорцизму, но и через созвучие имени святого с понятием победы и названием креста (Никитирион). Но его деяния, отслоившись от жития св. Никиты Готфского, войдя в часть (далеко не во все) Прологов и Миней Четых, а также в гимнографию, там не удержались: определение Синода первой четверти XVIII в. изъяло их из церковных текстов. Почитание продолжили староверы, и сюжет “мучение беса” первопроходцы XVI–XIX вв. унесли на просторы северо-восточной Евразии.

Для креста из Новодевичьего монастыря есть опубликованный полный аналог (коллекция Музея им. Андрея Рублева, с датой XVI в. и указанием на костяные прототипы XV в., см.: Гнутова, Зотова, 2000. Кат. № 18, с. 27), а в фондах Тверского музея представлена случайная находка, при публикации, видимо, неверно датированная началом XIX в. (Королева, 1993. С. 74). Стратиграфической даты у этих вещей нет, как и у прочих известных: выявив такие кресты в музеях и частных собраниях, В.В. Хухарев не нашел среди них образцов, полученных при легальных раскопках (благодарю Владимира Владимировича за возможность познакомиться с текстом до публикации).

Подведем краткий итог. Выпадение в слой целого (даже с цепью) закрытого экземпляра можно связать с разгромом монастыря в 1611 г. или, согласно археологическому контексту, с периодом кардинальной перестройки при Милославских (1680–1720-х годов). Отлит крест не ранее середины XVI в.; возможно, в пределах XVII в., но не позднее Петровской эпохи. Крест представляет особую, с точки зрения формальных характеристик и сюжета, группу энколпионов. Поднятые вопросы развития креста в XV–XIX вв. должны стать предметом особого рассмотрения, основанного на строгом отборе предметов, взятых из археологических слоев. Данные об исследовании креста естественнонаучными методами публикуются далее в отдельной статье.

Статья подготовлена в рамках НИОКТР АААА-А18-118021690056-7.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеев А.В., Кузьменко С.В.* Московские средневековые каменные кресты с геометрическим декором. М.; Звенигород, 2020. 124 с.
- Асташова Н.И., Петрова Л.А., Сарачева Т.Г.* Кресты-энколпионы из собрания Государственного исторического музея. М.: РИЦ-холдинг, 2013. 320 с.
- Барышев И.Б.* Костяные резные кресты-тельники из раскопок Переяславля Рязанского // Кн. I. Сост., науч. ред. и вступ. ст. С.В. Гнутовой. М.: Изд-во Моск. патриархии; Древлехранилище, 2001. С. 307–310.
- Беленькая Д.А.* Медная пластика городов Московской Руси (XIII–XV вв.) // КСИА. Вып. 208. 1993. С. 11–19.
- Беляев Л.А.* Некрополь Данилова монастыря в XVIII–XIX веках: историко-археологические исследования (1983–2008). М.: Даниловский благовестник; ИА РАН, 2012. 504 с.
- Беляев Л.А., Векслер А.Г.* Археология средневековой Москвы (Итоги исследований 1980–1990 гг.) // РА. 1996. № 3. С. 106–133.
- Беляев Л.А., Глазунова О.Н., Григорян С.Б., Елкина И.И., Шуляев С.Г.* Археология московского Новодевичьего монастыря: первые итоги // РА. 2019а. № 4. С. 192–207.
- Беляев Л.А., Глазунова О.Н., Григорян С.Б., Елкина И.И., Шуляев С.Г.* Новодевичий монастырь в Москве: исследования к 500-летию основания // Институт археологии РАН. Новые экспедиции и проекты. М., 2019б. С. 232–235.
- Беляев Л.А., Квливидзе Н.В., М.А. М[ахонько], Шведова М.М.* Новодевичий монастырь // Православная энциклопедия. Т. 51. М., 2018. С. 588–606.
- Гнутова С.В., Зотова Е.Я.* Кресты, иконы, складни. Медное художественное литье XI – начала XX века. Из собрания Центрального музея древнерусской культуры и искусства имени Андрея Рублева. М.: Интербук-бизнес, 2000.
- Грешиников Э.А., Пожидаев В.М., Малахов С.Н., Подурец К.М., Коваленко Е.С., Мурашев М.М., Глазков В.П., Говор Л.И., Преснякова Н.Н., Светогоров Р.Д., Дороватовский П.В., Трунькин И.Н.* Исследования креста-энколпиона из Новодевичьего монастыря естественнонаучными методами // РА. 2020. №4. С. 165–183.
- Журавлева И.А.* Ковчеги-мошевики конца XVI – первой трети XVII в. из Благовещенского собора Московского Кремля // Древнерусская скульптура: Проблемы и атрибуции: сб. ст. / Ред. и сост. А.В. Рындина. М., 1991. С. 106–124.
- Завьялов В.И.* Костяные резные кресты-тельники из раскопок Переяславля Рязанского // РА. № 2. 2017. С. 162–167.
- Завьялов В.И., Козлова Т.Н., Просукова Т.Н.* Резные деревянные кресты из собрания Рязанского историко-архитектурного музея-заповедника // 2021. В печати.
- Игошев В.В.* Сольвычегодские серебряные кресты XVI – первой половины XVII века // Ставрографический сборник. Кн. III: Крест как личная святыня: сб. ст. / Сост., науч. ред. и вступ. ст. С.В. Гнутовой. М.: Изд-во Моск. патриархии; Древлехранилище, 2005. С. 576–609.
- Колпакова Ю.В.* Предметы христианского культа в археологической коллекции Псковского музея-заповедника. Псков, 2012 – электронный ресурс: <https://arheologi.livejournal.com/125264.html>
- Корзухина Г.Ф., Пескова А.А.* Древнерусские энколпионы. Нагрудные кресты-реликварии X–XIII вв. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2003. 432 с.
- Королева И.Е.* Коллекция медного литья Тверского историко-архитектурного и литературного музея // Русское медное литье. Вып. 2. М.: Сол Систем, 1993. С. 72–75.
- Макаров Н.А., Грешиников Э.А., Зайцева И.Е., Подурец К.М., Коваленко Е.С., Мурашев М.М.* Невидимые святыни. Вложения в средневековых крестах-энколпионах по данным комплексных аналитических исследований // КСИА. 2020. Вып. 258. С. 25–45.
- Николаева Т.В.* Произведения мелкой пластики XIII–XVII вв. Каталог. Загорск. 1960. 338 с.
- Николаева Т.В.* Древнерусская мелкая пластика XI–XVI веков. М.: Советский художник, 1968. 176 с.
- Родникова И.С.* Наперсные кресты из собрания Псковского музея // Ставрографический сборник. Кн. III: Крест как личная святыня: сб. ст. / Сост., науч. ред. и вступ. ст. С.В. Гнутовой. М.: Изд-во Моск. патриархии; Древлехранилище, 2005. С. 495–529.
- Саенкова Е.М., М.А.М. [Махонько].* Никита, великомученик Готфский: Иконография // ПЭ. Т. 49. М.: Православная энциклопедия, 2018. С. 531–535.
- Седова М. В.* Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М.: Наука, 1981.
- Скоморовская Н.В.* Произведения серебряных дел мастеров из коллекции Пермской галереи // Ставрографический сборник. Кн. III: Крест как личная святыня: сб. ст. / Сост., науч. ред. и вступ. ст. С.В. Гнутовой. М.: Изд-во Моск. патриархии; Древлехранилище, 2005. С. 613–616.
- Стерлигова И.А.* О наперсных крестах XVI–XVII веков, связываемых с Новгородом // Ставрографический сборник. Кн. III: Крест как

- личная святыня: сб. ст. / Сост., науч. ред. и вступ. ст. С.В. Гнутовой. М.: Изд-во Моск. патриархии; Древлехранилище, 2005. С. 255–266.
- Сухова О.А. Кресты-мошевики в собрании Муромского музея // Ставрографический сборник. Кн. III: Крест как личная святыня: сб. ст. / Сост., науч. ред. и вступ. ст. С. В. Гнутовой. М.: Изд-во Моск. патриархии; Древлехранилище, 2005. С. 530–567.
- Шполянская Д.В. Наперсные кресты-мошевики XIV–XVI вв. и кресты-мошевики с владельческими надписями в собрании Отдела драгоценных металлов Государственного Исторического музея // Ставрографический сборник. Кн. III: Крест как личная святыня: сб. ст. / Сост., науч. ред. и вступ. ст. С.В. Гнутовой. М.: Изд-во Моск. патриархии; Древлехранилище, 2005. С. 459–494.
- Я.Э.З. [Зеленина]. Никон, преподобный, игумен Троице-Сергиева монастыря. Иконография // Православная энциклопедия. Т. 50. М., 2018. С. 719–725.
- Koenig A., Stalzer F. Die Familien Schulte, Koch und Krauwinkel // Nürnberger Rechenpfennige. Staatliche Münzsammlung München (2 Bände). Bd. 1: München, 1989.
- Rudowski I.C. Die Vielfalt und Schönheit der Rechenpfennige, Bonn, 2014. Онлайн ресурс: <http://www.rechenschieber.org/Rechenpfennige.pdf>

CROSS FROM THE NOVODEVICHY CONVENT: ARCHAEOLOGICAL CONTEXT AND TYPOLOGY OF RELIQUARY CROSSES OF THE 16th–17th CENTURIES

L.A. Belyaev

Institute of Archaeology RAS, Moscow, Russia

E-mail: labeliaev@bk.ru

A complete reliquary cross found in 2017 was analyzed with physical and chemical methods. The obtained results afforded the grounds for challenging its dating. It was required to verify it using traditional sources. A detailed analysis of the circumstances of finding the object and its comparison with the iconographic and typological background made it possible to confirm the date within range of the second half of the 16th–the late 17th century. In addition, a number of questions were raised for the further development of the iconography of Russian crosses. The study identified a special version of the cross for the 15th–17th centuries, which is characterized by elongated vertical beam and dilations on it for placing additional inscriptions and plots.

Keywords: reliquary cross, iconography, archaeology of the Modern period, Moscow state, decorative art.

REFERENCES

- Alekseyev A.V., Kuz'menko S.V., 2020. Moskovskiye srednevekovyye kamennyye kresty s geometricheskimi dekorom [Moscow medieval stone crosses with geometric decoration]. Moscow; Zvenigorod: IA RAN. 124 p.
- Astashova N.I., Petrova L.A., Saracheva T.G., 2013. Kresty-enkolpiony iz sobraniya Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya [Reliquary crosses from the collection of the State Historical Museum]. Moscow: RITs-kholding. 320 p.
- Baryshev I.B., 2001. Carved bone underwear crosses from the excavations in Pereyasavl Ryazansky. *Stavrograficheskiy sbornik [Stavrographic collection]*, 1. Moscow: Drevlekhранилище, pp. 307–310. (In Russ.)
- Belen'kaya D.A., 1993. Copperwork of the towns of Moscow Rus (13th–15th centuries). *Kratkiye soobshcheniya Instituta arkheologii [Brief Communications of the Institute of Archaeology]*, 208, pp. 11–19. (In Russ.)
- Belyayev L.A., 2012. Nekropol' Danilova monastyrya v XVIII–XIX vekakh: istoriko-arkheologicheskiye issledovaniya (1983–2008) [The necropolis of the Danilov Monastery in the 18th–19th centuries: historical and archaeological research (1983–2008)]. Moscow: Danilovskiy blagovestnik: IA RAN. 504 p.
- Belyayev L.A., Glazunova O.N., Grigoryan S.B., Elkina I.I., Shulyayev S.G., 2019. Archaeology of the Novodevichy Convent in Moscow: preliminary results. *Rossiyskaya arkheologiya [Russian archaeology]*, 4, pp. 192–207. (In Russ.)
- Belyayev L.A., Glazunova O.N., Grigoryan S.B., Elkina I.I., Shulyayev S.G., 2019. The Novodevichy Convent in Moscow: research to the 500th anniversary of its founding. *Institut arkheologii RAN. Novyye ekspeditsii i proyekty [Institute of Archaeology RAS. New expeditions and projects]*. N.A. Makarov, ed. Moscow: IA RAN, pp. 232–235. (In Russ.)
- Belyayev L.A., Kvlivdzhe N.V., Makhan'ko M.A., Shvedova M.M., 2018. Novodevichy Convent. *Pravoslavnaya entsiklopediya [Orthodox encyclopaedia]*, 51. Moscow: Pravoslavnaya entsiklopediya, pp. 588–606. (In Russ.)

- Belyayev L.A., Veksler A.G., 1996. Archaeology of medieval Moscow (recent explorations of the 1980–1990s). *Rossiyskaya arkheologiya [Russian archaeology]*, 3, pp. 106–133. (In Russ.)
- Gnutova S.V., Zotova E.Ya., 2000. Kresty, ikony, skladni. Mednoye khudozhestvennoye lit'ye XI – nachala XX veka. Iz sobraniya Tsentral'nogo muzeya drevnerusskoy kul'tury i iskusstva imeni Andrey Rubleva [Crosses, icons, encolpions. Art casting of copper of the 11th – early 20th century. From the collection of the Central Andrey Rublev Museum of Ancient Russian Culture and Art]. Moscow: Interbuk-biznes. 135 p.
- Greshnikov E.A., Pozhidaev V.M., Malakhov S.N., Podurets K.M., Kovalenko E.S., Murashev M.M., Glazkov V.P., Govor L.I., Presnyakova N.N., Svetogorov R.D., Dorovatovsky P.V., Trunkin I.N. Study of a reliquary cross from the Novodevichy Convent with natural science techniques // *Russian archaeology*. 2020. №4. P. 165–183.
- Igoshev V.V., 2005. Solvychevodsk silver crosses of the 16th – the first half of the 17th century. *Stavrograficheskiy sbornik [Staurographic collection]*, 3. Moscow: Drevlekhranilishche, pp. 576–609. (In Russ.)
- Koenig A., Stalzer F., 1989. Rechenpfennige, I. Nürnberg. Signierte und zuweisbare Gepräge, I. Die Familien Schulte, Koch und Krauwinkel. München: Selbstverlag der Staatlichen Münzsammlung München. 167 p., 42 tab.
- Kolpakova Yu.V. Predmety khristianskogo kul'ta v arkheologicheskoy kollektzii Pskovskogo muzeya-zapovednika (Elektronnyy resurs) [Christian objects in the archaeological collection of the Pskov Museum-preserve] (Electronic source). URL: <https://arheologi.livejournal.com/125264.html>.
- Koroleva I.E., 1993. The collection of copper castings of the Tver Historical, Architectural and Literary Museum. *Russkoye mednoye lit'ye [Russian casting of copper]*, 2. S.V. Gnutova, ed., comp. Moscow: Sol Sistem, pp. 72–75. (In Russ.)
- Korzukhina G.F., Peskova A.A., 2003. Drevnerusskiye enkolpiony. Nagrudnyye kresty-relikvarii X–XIII vv. [Encolpions of Rus. Pectoral reliquary crosses of the 10th–13th centuries]. St.Petersburg: Peterburgskoye vostokovedeniye. 432 p.
- Makarov N.A., Greshnikov E.A., Zaytseva I.E., Podurets K.M., Kovalenko E.S., Murashev M.M., 2020. Invisible holy relics. Materials inserted in medieval reliquary crosses based on the data from comprehensive analytical studies. *Kratkiye soobshcheniya Instituta arkheologii [Brief Communications of the Institute of Archaeology]*, 258, pp. 25–45. (In Russ.)
- Nikolayeva T.V., 1960. Proizvedeniya melkoy plastiki XIII–XVIII vv. v sobranii Zagorskogo muzeya: katalog [Small artworks of the 13th–18th centuries in the collection of the Zagorsk Museum: catalog]. Zagorsk. 338 p.
- Nikolayeva T.V., 1968. Drevnerusskaya melkaya plastika XI–XVI vekov [Small artworks of the 11th–16th century Rus]. Moscow: Sovetskiy khudozhnik. 176 p.
- Rodnikova I.S., 2005. Pectoral crosses from the collection of the Pskov Museum. *Stavrograficheskiy sbornik [Staurographic collection]*, 3. Moscow: Drevlekhranilishche, pp. 495–529. (In Russ.)
- Rudowski I.C., 2014. Die Vielfalt und Schönheit der Rechenpfennige (Electronic resource). Bonn. URL: <http://www.rechenschieber.org/Rechenpfennige.pdf>.
- Sayenkova E.M., Makhan'ko M.A., 2018. The Great Martyr Nicetas the Goth: iconography. *Pravoslavnyaya entsiklopediya [Orthodox encyclopaedia]*, 49. Moscow: Pravoslavnyaya entsiklopediya, pp. 531–535. (In Russ.)
- Sedova M.V., 1981. Yuvelirnyye izdeliya drevnego Novgoroda (X–XV vv.) [Jewellery of ancient Novgorod (10th–15th centuries)]. Moscow: Nauka. 195 p.
- Shpolyanskaya D.V., 2005. Pectoral reliquary crosses of the 14th–16th centuries and reliquary crosses with owners' inscriptions in the collection of the Precious Metals Department of the State Historical Museum. *Stavrograficheskiy sbornik [Staurographic collection]*, 3. Moscow: Drevlekhranilishche, pp. 459–494. (In Russ.)
- Skomorovskaya N.V., 2005. Silverwork objects from the collection of the Perm Gallery. *Stavrograficheskiy sbornik [Staurographic collection]*, 3. Moscow: Drevlekhranilishche, pp. 613–616. (In Russ.)
- Sterligova I.A., 2005. On pectoral crosses of the 16th–17th associated with Novgorod. *Stavrograficheskiy sbornik [Staurographic collection]*, 3. Moscow: Drevlekhranilishche, pp. 255–266. (In Russ.)
- Sukhova O.A., 2005. Reliquary crosses in the collection of the Murom Museum. *Stavrograficheskiy sbornik [Staurographic collection]*, 3. Moscow: Drevlekhranilishche, pp. 530–567. (In Russ.)
- Zav'yalov V.I., 2017. Bone pectoral crosses from the kremlin of Pereyasavl Ryazansky. *Rossiyskaya arkheologiya [Russian archaeology]*, 2, pp. 162–167. (In Russ.)
- Zav'yalov V.I., Kozlova T.N., Prosukova T.N., 2021. Carved wooden crosses from the collection of the Ryazan Historical and Architectural Museum-preserve. *Rossiyskaya arkheologiya* (In print). (In Russ.)
- Zelenina Ya.E., 2018. Rev. Nikon, Hegumen of the Trinity-St. Sergius Monastery. Iconography. *Pravoslavnyaya entsiklopediya [Orthodox encyclopaedia]*, 50. Moscow: Pravoslavnyaya entsiklopediya, pp. 719–725. (In Russ.)
- Zhuravleva I.A., 1991. Reliquary shrines of the late 16th – the first third of the 17th century from the Annunciation Cathedral of the Moscow Kremlin. *Drevnerusskaya skulptura: Problemy i atributsii: sbornik statey [The sculpture of Rus: Problems and attributions: collected articles]*. A.V. Ryndina, ed., comp. Moscow: NII Rossiyskoy akademii khudozhestv, pp. 106–124. (In Russ.)